

Ян Клаас Берендс

Конец Ostpolitik: критика «особого пути» восточной политики Германии*

Вторжение России на Украину положило конец эре Восточной политики (Ostpolitik), провал которой очевиден и драматичен. Его ознаменовала серия стратегических триумфов Москвы – начиная с оккупации Крыма и нерегулярной войны на Донбассе, которую она сама и подстрекает, до введения регулярных войск в Украину. Эти успехи одновременно являются поражением не только Украины, но и Запада, и в первую очередь Берлина, потому что ни одно западное правительство не поддерживает настолько тесных связей с Москвой. Все старания Германии оказались напрасными, так как в своем стремлении поддерживать в Европе мир, безопасность, стабильность и равновесие, немецкая Восточная политика потерпела крах, и все, что от нее осталось, это груда обломков¹.

Немецкая Восточная политика является детищем «холодной войны». Социал-либеральная коалиция при Вилли Брандте попыталась сбавить накал открытой конфронтации, которая была причиной разделения Германии. Бонн был готов признавать режимы и границы в Восточной Европе, только чтобы поспособствовать разрядке международной напряженности. Договоры с Москвой, Варшавой и Восточным Берлином заложили фундамент для более удачных отношений. Но они также укрепили гегемонию Москвы к востоку от Эльбы. В ФРГ Восточные договоры были расценены как жест примирения. Казалось, следуя Восточной политике, Бонн обладал инструментом, при помощи которого можно было сдерживать «холодную войну». Тех, кто критиковал разрядку, отныне клеймили как подстрекателей.

* Немецкая версия этой статьи была опубликована на сайте *Zeitgeschichte Online*. Некоторые положения статьи не соответствуют мнению редакции – прим. ред.

¹ Статья продолжает серию ранних статей *Форума* на тему отношений между Германией и Восточной Европой: Умланд А. Берлин, Киев, Москва и новые подводные газопроводы: немецкая геоэкономика в лабиринте российско-украинских отношений // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2012. Т. 9. № 2. С. 281-300; Макарычев А. Германская политика на востоке Европы: дебаты о нормах и нормализации // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. Т. 10. № 1. С. 335-362; Буркхардт Ф. Неопатримониализация вместо модернизации: политика Германии в отношении России и «откат» // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. Т. 10. № 2. С. 387-399; Мишке Я., Умланд А. «Нет выхода без России»? О возвращении Франка-Вальтера Штайнмайера в МИД Германии и будущем политики Берлина по отношению к Украине // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. Т. 10. № 2. С. 400-404; Буркхардт Ф. Освещение кризиса в Украине в немецких ток-шоу // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. Т. 11. № 1. С. 404-417.

В действительности уже вскоре обнаружилось, что Восточная политика только условно могла способствовать разрядке. Ей не удалось предотвратить ни вторжение Советского Союза в Афганистан, ни польский кризис начала 1980-х. Обещанных посредством сближения перемен – основной аргумент архитекторов Восточной политики – так и не дождалось. Напротив, положение прав человека в советском блоке ухудшалось, а репрессивные аппараты продолжали совершенствоваться. От Восточной политики остались лишь тесный контакт с Москвой, выгодные экономические отношения с Советским Союзом и чувство большей уверенности в дальнейших действиях Кремля для западных немцев.

На пути к объединению Германии Бонн, без сомнения, извлек выгоду из своих хороших отношений с Москвой. Тем не менее, окончанию «холодной войны» Федеративная Республика поспособствовала весьма незначительно. Это было решение Кремля – покончить с противоборством, которое он не мог ни выиграть, ни финансировать. Тем не менее, протагонисты Восточной политики требовали от общественности признать их заслугой подготовку к мирной смене системы. После 1991 года суверенная Германия решила и дальше развивать свои отношения с Россией. Германия снова прилагала усилия к сближению, надеясь таким образом дать толчок к началу перемен, что помогло бы оправдать тесную связь двух государств в глазах ее западных союзников. Преемственность немецкой Восточной политики должна была помочь Европе держать в узде фактор риска в лице России.

Даже когда в конце 90-х появились первые намеки на то, что в Москве больше не стремятся к построению правового государства, Берлин по-прежнему не только держался за свою Восточную политику, но и продолжал ее развивать. Проект «Северного потока», реализованный несмотря на протест Польши, является символом внешней политики, которая не считается с интересами Варшавы, Риги или Таллина. Зависимость от России еще больше увеличилась с поспешным переходом на альтернативные источники потребления энергии (Energiewende), и это при том, что Кремль уже много раз доказал свою готовность использовать газ в качестве политического оружия. С точки зрения гео- и энергополитики «Северный поток» сделал возможным вторжение России на Украину, которое само по себе тоже является наследием Восточной политики.

Для того, чтобы по-прежнему придерживаться своей Восточной политики, Берлин за последние два десятилетия проигнорировал предостерегающие сигналы – конфликты в Чечне и Грузии, а также переустройство российского государства по авторитарной модели. Т.н. Партнерство в целях модернизации (Modernisierungspartnerschaft) должно было продолжаться любыми средствами. От предупреждений из Польши или Прибалтики отмахивались как от предвестников беды.

Из-за подобного отношения Германия и Европа в целом находятся сегодня в крайне невыгодном положении. Как и события начала 1980-х, 2014 год является

доказательством того, что немецкая Восточная политика не в состоянии бороться с кризисами. Она зиждется на условии, которое не выдерживает испытания – обоюдности двусторонних отношений. Правительство Меркель исходило из того, что экономическая связь обяжет Москву придерживаться приемлемой политики. При этом приобретение Россией авторитарных черт как во внутренней, так и во внешней политике в течение последних десяти лет указывали на то, что конфронтация с Западом еще предстоит. Во время украинского кризиса стало ясно, насколько ничтожно влияние Берлина. Обоюдные связи не оказались для Кремля преградой в его военной экспансии. Тем не менее и даже тогда Берлин не готов был отказаться от Восточной политики, чей провал стал уже очевидным. При этом привилегированные отношения между Берлином и Москвой не способствовали европейской стабильности, а только подрывали ее. Из-за них Запад выглядел слабым и разделенным.

Само собой разумеется, что Кремль несет ответственность за войну в Украине. Но и на плечах Берлина лежит определенная доля вины за тяжелое положение Германии и Европы. Слишком долго МИД ФРГ следовал удобному образу мышления, слишком долго занимался ложным самоуспокоением, слишком глубинной оказалась связь с державой, на которую мы в конечном итоге не можем повлиять.

Восточная политика была и остается популярной в Германии, так как она создает у общественности иллюзию безопасности, мира и стабильности. Ее определение как «миролюбивой политики» задает слишком высокую моральную планку. Конфликты в Европе должны остаться в прошлом. Подобное принятие желаемого за действительное срабатывало до того момента, пока Кремль не стал применять вместо слов оружие, а Берлин, у которого не было других альтернатив, кроме заикленной на Москве Восточной политики, не остался просто в стороне. Даже из последовавших друг за другом встреч и телефонных разговоров диалога не вышло. Москва уже давно расставила другие приоритеты.

Теперь необходимо задуматься над тем, как Берлин, Брюссель и Запад в целом снова могли бы взять на себя инициативу, ограничить варианты выбора Москвы, защитить суверенность союзников, положить конец зависимости, а также восстановить в Европе мир и безопасность. Восточная политика старой школы изжила себя, но за ошибки прошлого нам придется заплатить. Особенное отношение Берлина к Москве было историческим заблуждением. Сейчас ощущается необходимость в новых идеях – Германии, да и всей Европе предстоят тяжелые решения.

Перевод с немецкого Екатерины Акопян